

После обвала

Даниил ГРАНИН

— Вы понимаете, что произошло?
 — Ничего не понимаю.
 — А вы?
 — Кинули, словно придурков, вытряхнули.
 — А вы?
 — И понимать не хочу, про- тивно.

Кого ни спрашиваю, никто не понимает, до сих пор не понимают. Уж сколько раз нас обманы- вало могучее государство наше. С облигациями при Сталине, с займами при Хрущеве, да что там считать, все наши власти выманивали деньги, при этом «катали дурочку», обещали, обносили... Пора бы научиться. Но то, что произошло ныне, это совсем иное. Вывернули не толь- ко карманы.

Произошел не обвал рубля, это можно было бы пережить по старой поговорке «где наша не пропадала», произошло нечто иное, как бы обвал сознания. Рухнули те иллюзии, что еще оставались, казались светом в конце длинного тоннеля. Там, наверху, разыгрывались свои комбинации. Какие, мы не знали. Нам знать не положено. Мы люди посторонние, нас выстави- ли за дверь.

Месяц назад мы бы смеялись над тем, кто сказал бы, что мы будем стоять в очереди за под- солнечным маслом, что стихнет шумное многолюдье вещевых рынков. Однако товары исчеза-

ют, банки закрываются и лопа- ются. Это не просто экономиче- ский кризис. Средний класс — мечта всех наших экономистов — только родился. Еще сла- бый, неокрепший, он выбрал лучшую часть поколения 25–30- летних. Сегодня они лишаются работы. Энергичные, знающие, полные сил, их сейчас десятки тысяч, лишились будущего. Катастрофическое сознание охва- тило многих, происходят ин- фаркты, самоубийства.

Среди знакомой мне молоде- жи шел (несмотря на всю свой- ственную ей критичность) инте- ресный процесс становления, она отказалась от соблазнов за- падной жизни, решила связать свою судьбу с работой в России, русская жизнь стала для моло- дых интереснее, предпочтитель- ней, да в чем-то и перспектив- ней.

Внешний обвал доверия на- нес сокрушительный удар и по этим взглядам. Для многих встал вопрос, стоит ли оставать- ся в этой стране. Они вдруг почувствовали себя лишними, не- нужными. Решили: здесь невоз- можно завести свое дело, рас- считать на свою инициативу. Здесь нельзя управлять своей жизнью.

Но вот правительственный кризис разрешился. Новому премьеру предстоит избавить страну от экономических послед- ствий кризиса. Это непросто. Но еще труднее избавить людей от неверия, душевной усталос- ти, убийственного чувства без- надежности. Они вновь стали

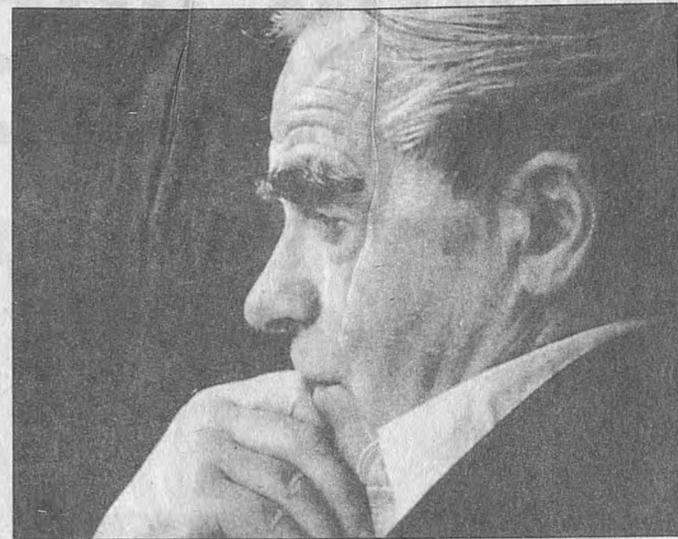
объектом неведомой им игры, возможно, махинаций, их опять, как в советское время, поставили в положение винти- ков. Нравственные потери не возместить ни западными кре- дитами, ни инвестициями.

Исчезло доверие. Не стало доверия ко всем, начиная от президента, его советников, за- канчивая Думой, банками, по- литологами всех мастей, телеви- дением, губернаторами, мини- страми. Кризис обнаружил грандиозные масштабы личного эгоизма властей, показал, что эти чиновники, олигархи, депу- таты заняты прежде всего забо- тами самосохранения, собствен- ного преуспеяния. Только те- перь мы поняли настоящую це- ну всему этому бессовестному, безнаказанному люду, которому мы доверили свою страну.

На совхозных полях, где уже убрана картошка, морковка, сейчас сотни людей, они роются в земле, добирают остатки. При- ехали на машинах, наполняют мешки. Готовятся к зиме. Я ви- дел, как в магазине молодая женщина, посмотрев на цены, — заплакала. Сознание людей воз- вращается к старым страхам. Если появятся запреты, если власть захочет опять взять все в свои «заботливые руки» — что тогда?

Опять карточки, опять пус- тые магазины, поездки в колхоз на работы...

Народ не может жить, нико- му и ничему не веря, не может жить без надежды. Оптимизм и личный, и народный — сегодня

дефицит, действительность его почти не производит. Уныние всегда считалось худшим из грехов, прежде нашей борьбе с унынием помогала фига в карма- не, кукиш, показанный тайне всем сразу. Казалось, мы от этого карманного протес- та избавились навсегда. Протес- товать пока еще можно откры- то, но этого уже стало недоста- точно. Хотелось бы подзанять у кого-нибудь оптимизма. хоте- лось бы поверить, что комму- нисты не войдут в Кремль, не приберут к рукам правительст- во, что не вернется к нам соци- алистическая система хозяйст- ва, что реформы не остановят- ся, что молодые не будут стре- миться прочь из этой страны. Хотелось бы, чтобы нас пере- стали считать за быдло, чтобы нам сказали, почему нас снова обдурили, почему, как прокля- тые, не можем зажить нор- мальной жизнью, без лжи и страхов.

Мне могут сказать, что поис- ки оптимизма сами по себе бла-

годетельны. Наверное. Но, Гос- поди, до чего ж мучительна ока- залась дорога к свободе, как не- просто стать хозяином в собст- венном доме.

Когда я читаю, что «мы мо- жем гордиться своей повседнев- ной жизнью, своим терпением», — меня поражает бесстыдство ав- тора — очередного проповедника демократии. Кризис — он не только вовне, я ощущаю его как свой личный кризис, для меня наше демократическое движе- ние обернулось беспомощным, беспредметным говорением, коммунистическое — пошло еще дальше в своей мстительной жа- жде реванша, готовности та- щить страну назад.

Наверное, кризис жизнь как- то разрешит. Когда — не знаю. Но сегодня я снова и снова спра- шиваю себя: чем можно поддер- жать людей вокруг меня, — тех, у кого опускаются руки, кто не знает, куда податься, кто изо всех сил еще пытается сохра- нить свое достоинство и поряд- чность...